

Маша Нестерка

Расследование одного убийства, или К психам на ягуаре

Детектив с вкраплениями

Когда все было готово, мужчины налили в рюмки водку. Как много им нужно было сказать друг другу, выяснить, вспомнить, решить и, хотя пить сегодня было нежелательно, без водки они не могли все это сделать. Так уж были устроены эти мужчины.

— Я хочу у тебя спросить, это правда? — и он взглядом показал на журнал с записями. — Я до последнего не верил, что так может быть, но сегодня понял — это ж, мать твою, именно так! Ты ж это сделал! И не сказал мне ни слова!

Он поднес спичку к сигарете, а она все никак не хотела прикуриваться, наверно отсырела, вон как вчера дождь лил, хоть и тепло.

— Я хотел тебе сказать, хотел с самого начала, только...

— Что только? Хотелки не хватило?! Или кирпича на дачу, или досок, что ли. Чего?

— Подожди, ты ничего не знаешь, я и сейчас сказать тебе все не могу, я боюсь за нее, а вот теперь и за тебя.

— Да скажи ты по-человечески! За кого боишься? Почему боишься? Что случилось, в конце концов?!

В деревянной стене что-то зашуршало, а потом тихонько затрещало. Наверное, тут было много пауков, сверчков и всякой другой живности, а за маленьким мутным окошком шумели сосны, осины и высокий папоротник, которым заросли тут все тропинки.

Одна рюмка водки была выпита молча и залпом — рраз! И все. Вторая еще стояла, ждала своей очереди.

Теперь разговор был больше похож на монолог, и он продолжался всего минут десять, но все самое главное было уже сказано

— Тут такое дело... мне было сказано очень ясно — если я этого не сделаю, то ее в живых не будет уже через пару часов. Ты бы как поступил?

— Я бы сразу поделился с тобой, потому что ты — мой друг, твою маковицу! Я поговорю с ним, он все объяснит, я уверен.

— Нет! Только не это, очень тебя прошу!

Тут раздался стук в хлипкую дверь, в нее можно было даже не стучать, просто дернуть — и все, сама бы открылась.

— Нууу, вы тут расселись! Что делаете? — спросил вошедший, и тут же подумал, что дверь надо бы подремонтировать.

— Уф, слава Богу, это ты! Да вот разговариваем о жизни нашей грешной...

— Меня не примете в компанию? — и он достал из внутреннего кармана небольшую бутылочку виски. — У меня вот... родственник из-за границы привез. Попробуем? — и он хитро и весело прищурил правый глаз.

...Через час все было кончено, а грузный человек в рабочей робе еще долго смотрел вдаль, в сырую темноту, хоть ничего там разглядеть было уже невозможно.

А потом он шел по тропинке, окруженной лопушистым папоротником. У него было немного скверно на душе, но ничего изменить уже было нельзя. Он шел и думал, что еще нужно закончить свои бумажные дела, а потом и отправляться домой. Никто и никогда не докажет, что здесь был именно он, что водка была не выпита, колбаса не съедена, разговор не закончен.

Лера и Вероника

Вероника явилась в половине одиннадцатого вечера.

— Ты что не спишь так поздно? А я вижу — свет горит, вот и подумала: кому не спится в ночь глухую? — выдала она, как ни в чем не бывало, едва переступив порог.

Лере очень хотелось ответить в рифму, но она не стала. Ничего удивительного, что эта ненормальная заявила на ночь глядя, да и вообще чему тут удивляться?.. Это безумное создание с таким возвышенным, прямо-таки небесным именем могло приехать и ночью, и тогда все было бы гораздо хуже.

Вероника была человеком-фонтаном, которому иногда становится скучно фонтанировать и срочно требуется «помощь друга».

С Вероникой они познакомились лет пятнадцать назад, когда Лера работала главным редактором двух газет — «Двое-дайджест» и «Уголовное дело». Первая пришла в редакцию с некими рекламными целями, ибо работала менеджером по рекламе в «Свободных новостях» и, несмотря на свой юный возраст, добилась неплохих результатов в виде ящиков со шпротами и упаковок минеральной воды в своей комнате в качестве бартера за рекламу.

Вторая тоже добилась немало, а именно — увеличения тиража вышеназванных газет, и в результате заслужила денежных премий и всяческих похвал от начальства (то бишь шефини Светы, тоже, кстати, немного неадекватной своей щедростью и множественными увлечениями типа йоги, учения Кастанеды или Ошо).

Это да, многие сотрудники той редакции

были, мягко говоря, немного не в себе. Та же Света родила третьего ребенка от своего любовника и привозила на своей Тойоте этого ребенка в офис, даже если у того было воспаление легких. А однажды любовник уходил от нее, и в это время домой пришел муж героини, и эти два мужественных человека в темноте пожали друг другу руки, здороваясь и одновременно расставаясь. Все такое подобное было в порядке вещей у этой отчаянной женщины...

Так вот, придя в редакцию, Вероника стала листать подшивки газет, делая выражение лица как можно более увлеченным и внимательным (позже она рассказывала, что ей было совершенно все равно, что это за газеты, а интересовал ее исключительно тираж, который мог принести ей пользу «в виде рекламы»).

В это время Лера направлялась в свой кабинет.

— Вы ко мне? — спросила она и добавила, — вы что-нибудь пишете? — Леру же интересовали исключительно авторы.

— Нет, я не пишу, но хотела бы...

— Понятно, — сказала Лера, не останавливаясь, и продолжила свой путь.

Таким вот было знакомство. Однако Веронику было не остановить, тем более, если ее откровенно игнорировали. И она продолжала наведываться в

редакцию, пытаюсь все же завязать более тесное знакомство со строптивым главным редактором, равнодушие и холодность которого приводили специалиста по рекламе в разгорающееся все с большей силой бешенство. Но Веронику не так-то просто было заставить показать свои чувства, ее терпению мог бы позавидовать даже легендарный Штирлиц.

В конце концов, однажды она позвонила в редакцию и пригласила Леру погулять по улицам Минска, а когда они встретились в нише огромного вокзального здания с часами (что за место для встречи?!), в руках у Вероники было два пластмассовых стаканчика с темной жидкостью.

«Кофе», — подумала Лера.

— Коньяк, — сказала Вероника.

Какими хитрыми способами она выведала в уважительных и размеренных разговорах о том, какие напитки предпочитает главный редактор и в какое время суток?.. Неважно. Дело сдвинулось с мертвой точки. Началось общение двух не очень адекватных людей, которые и не подозревали, что оно растянется на много лет.

Позже Вероника серьезно занялась ресторанным бизнесом, работала по пару лет то в одном, то в другом питейно-ресторанном заведении и научилась прекрасно готовить. Делала она это с великой любовью и со знанием дела, а то, что

получалось в результате ее колдовских усилий над продуктами и плитой, обладало невероятным вкусом, достойным королей.

— Я тебе все приготовлю, ты только отдыхай! — говорила Вероника, и Лера вздыхала.

Она прекрасно знала, чем все это заканчивается: вместо одного, под умывальником оказывается три пакета с мусором. Да пусть бы три, — и с мусором! Так кроме этих трех, вокруг будут еще: оранжевые сеточки от овощей, очистки от картошки, различные пакетики и лотки от всякого рода продуктов — сыра, хлеба, перца, соевого соуса и прочих «вкусностей».

Да и это все ерунда на постном масле (да, мусор, кстати, вполне мог остаться на разлитом постном масле), все это — мелочи! Если в тот день у Верки были котлеты, это означало конец света! Потому что все емкости блендера, все ножи и крышки от него, а также: стол, стены, плита и все, что находится около нее — будет в кусках фарша. И любой из предметов (начиная от ложки и заканчивая солонкой) будет выскальзывать из рук из-за попавших на них фарша, жира, лука или яичной жижи.

Это выходило за все границы. Покупалась еда, и об этом сообщалось по телефону гордым возгласом «Я тебе еды купила!», потом она превращалась в немыслимые блюда, кухня — в

нагромождение отходного производства, а на полу можно было спокойно тренироваться в искусстве фигурного катания. Зато какой был результат! Божественные котлетки под графским соусом — овчинка выделки стоила.

* * *

Вероника ввалилась с двумя пакетами, пахнувшая мокрой кожей, коньяком, копченой рыбой и ментоловыми сигаретами. Ее короткая рыжая дубленка была засыпана снежинками сказочного размера, на голове блестела шерстяная повязка с северным орнаментом, стильные полуботинки тоже успели нагрести снега, перчаток не было. Вероника любила дорогую одежду и боялась застудить уши.

— О чем печалишься, мать? — она поставила пакеты и скинула дубленку на руки Лере.

Тут еще одно отступление. Когда Веронике несколько раз не повезло в бизнесе, еще одна их подруга, не в меру практичная Илона предложила сходить в церковь и окрестить ресторанный деятеля, и они сходили, и Вероника тогда собственно и стала Вероникой (хоть ее в миру называли просто Веркой), а Лера — ее крестной матерью. Правда, батюшка тогда сказал, что крестная мать не требуется столь взрослой дочери,

но все же с тех пор Лера считалась ею.

Расположившись на кухне, Вероника стала доставать из пакетов свои вкуснятины, Лера наблюдала за этими действиями без энтузиазма, потому что есть так поздно, как известно, не очень полезно — утром в желудке будет камень, и от этого настроение на весь день рискует испортиться.

— Ты понимаешь, сегодня я нашла часы.

— Поздравляю, это хорошая находка, теперь, наконец, твоя привычка опаздывать изживет себя на корню. Золотые хоть? — равнодушно спросила поздняя гостья.

— Да нет, отцовские часы, матросские, — с досадой сказала Лера.

— Ну, ладно, ладно, рассказывай, давай.

И Лера рассказала. Интересы на лице крестной дочери не наблюдалось. Были принесены и внимательно рассмотрены вышеупомянутые часы, даже под лупой на них не нашлось хоть какого-нибудь заслуживающего внимания фактора, разве что еле заметная царапинка. Старые, с традиционным колесиком-заводом и банальными стрелками на обоих циферблатах.

— Я думаю, это их искали, когда разворошили все отцовские бумаги. А они-то тут, у меня, я сама с книжной полки потом...

— Да брось ты, ничего криминального в них нет, и никому они не нужны, и никто их не искал.

Искали, может, какой-нибудь документ, — наконец, сказала Вероника. — Давай лучше выпьем. Хочешь, я тебе отбивные приготовлю?

— Спасибо, на ночь есть вредно.

— Ты вот мне скажи, может, это твой брат, может, это он искал какие-то документы на земельный участок матери? Может, он захотел богатого наследства или еще чего?

— Нет, нет, Верка, мой брат здесь не при чем! Как и никто из моих родных!

— Так может, кто-то из знакомых тогда? У тебя же их много!

— Из моих?

— Нет, из моих! — Вероника откровенно издевалась над ней.

У Вероники было множество знакомых, о которых она любила рассказывать за столом.

Она, как магнитом, притягивала к себе таких же авантюрных особ, каковой являлась сама — взбалмошных, рискованных, любопытных, забывчивых, незлобивых и всегда готовых на какую-нибудь проделку.

Одна из таких необычных девушек, которую друзья называли Марабу (неизвестно почему, на Сару она была никак не похожа), в буквальном смысле этого слова сделала себе карьеру на обычных накладных.

Лет пять назад ей пришлось снять на сутки

квартиру в Минске, уж по какому случаю, для чего и почему — история умалчивает, однако эти сутки стали для милостивой кроткой блондинки просто невероятной удачей. Это называется так — у тебя есть в жизни шанс, ты только сумей им воспользоваться.

В снятой квартире Марабу обнаружила большую коробку, по виду и размерам напоминающую ящик, в котором из страны папуасов к нам привозят бананы. Кому принадлежал этот ящик, было непонятно, однако любопытная девушка времени зря не теряла, она чувствовала, что эта коробка принесет ей счастье, и не ошиблась.

Бумаги, аккуратно сложенные в волшебном ящике, оказались накладными, проштампованными печатью некой компании под названием «Канцелярия» и штампом со всеми ее реквизитами. У Марабу в голове моментально созрел план, и она, недолго думая, съехала из озолотившей ее квартиры, прихватив с собой заветную находку.

Всю следующую неделю она очень аккуратно расспрашивала знакомых о фирмах, завозящих из России самые разные товары, сидела ночами в интернете, писала письма из вновь заведенного электронного ящика, причем бывший одноклассник, превратившийся за десять лет в крутого хакера, установил ей скрипт, меняющий

IP-адрес раз в неделю.

В результате нежная блондинка, постоянно забывающая шали и перчатки в такси, роняющая телефоны в канализационные решетки, пьянеющая от бокала вина и однажды по невероятной случайности сдавшая на водительские права с седьмого раза, еженедельно и регулярно стала получать примерно по тысяче долларов.

А ее новые и старые знакомые, желающие без проблем отмыть деньги, ровными рядами шли к ней за документами и были несказанно ей благодарны, всякий раз приглашая в гости, рестораны и на караоке.

— Тебе не страшно? — спросила у нее однажды Вероника. — Это все же документы.

— Ты, знаешь, бывает страшно, когда несу бумагу, но потом, на обратном пути, когда сотка в кармане, становится уже как-то веселее.

У Вероники, конечно, была цель, ради которой она пришла к Лере почти ночью, — выпить и поговорить, изливая на нее фонтан своих мыслей. Вообще она была незлобива, но очень категорична, ее крестная дочь. Ее мало что интересовало, кроме работы. Только в случае, когда на горизонте появлялось интересное дело, у нее загорались глаза и горели они до тех пор, пока не была достигнута цель.

Часы

Днем ранее Лера готовила отчет в налоговую инспекцию и раскладывала по папкам документы из стильного картонного ящика Икеа, куда во время ремонта свалила неразобранные договоры и акты. Их было много, и возиться очень не хотелось, тем более, время приближалось к вечеру, когда, как известно, хочется поваляться на любимом полосатом диване и посмотреть какой-нибудь сериальчик или, на худой конец, урок фотшопа.

Именно из-за этой лени Лера сделала очень ненужную штуку — вывалила на пол все содержимое коробки, тем самым позволив увидеть все, что представлялось нужным. Кошка была тут как тут. Как известно, эти кошачьи отродья все делают назло и поперек. В данном случае — назло хозяйке и поперек ее действиям.

Лера гладила кошку, и та мурлыкала, открыв рот и, тем не менее, махала хвостом — терпела ненужные прикосновения. Никто никогда не узнает, хорошую ли религию придумали индусы, но Лера была уверена, что кошка точно в прошлой жизни была человеком. Вопрос только — кем и каким? Почему-то казалось, что Лера знала его, что это кто-то из знакомых и не так давно ушедших. Сколько лет-то ей? Кошке было лет восемь, а немудреный подсчет подсказывал, что, по

человечьим меркам, ей сейчас этак сорок пять.

Она садилась как раз на те бумаги, которые были необходимы, и выкатывала лапами все, что не похоже на бумагу — карандаши, скрепки, степлер, что-то небольшое в полиэтиленовом пакетике. Кошка подтянула лапой это что-то, и оно оказалось тяжелым.

Лера автоматически подхватила сверток, вынула это что-то, развернула и шлепнулась пятой точкой на пол — держать все, сидя на корточках, уже не представлялось возможным и, собрав все в большую неопрятную стопку, кряхтя, положила на рабочий стол.

Это были отцовские часы, которые она прихватила из дома родителей после того, что случилось. Отец говорил, что они были особенными, матросскими, с водоотталкивающим корпусом, привезенными когда-то с Охотского моря. Они всегда были при нем, хоть ремешок уже изрядно потрепался и имел совсем дешевый вид. Но эта ценность была почти эпатажная, отец очень гордился ею, а на рыбалке часто хвастался, хотя уже все наизусть знали историю о том, как старпом Бочкин подарил их ему за отличную службу.

Когда отец погиб, часы нашлись в нагрудном кармане его брезентовой куртки, там же был и листок бумаги в линейку с какой-то записью, в листок завернули часы, положили в

полиэтиленовый пакетик и отдали матери, бедной, ничего не соображающей матери, у которой после этого снова случился припадок.

А потом Лера нашла часы за книгой на полке и забрала с собой в город, чтобы они никому не попадались больше на глаза.

История трагедии

Она отлично помнила этот день.

Тринадцать лет назад была вот такая же жара. Тем утром Лера занималась стиркой, готовилась к отъезду в Польшу — тогда она была «челноком», как и многие женщины, которые хотели прокормить семью сами.

Телефонный звонок раздался неожиданно, Лера вздрогнула. Предчувствие беды придавило сознание. Что-то случилось.

Звонила мать. Она сказала, что ночью отец пошел на рыбалку, и до сих пор его нет.

— Мама, он же матрос, с ним не могло ничего случиться! — говорила она, уже предчувствуя трагедию.

— Его нет! Зачем он пошел на море один? Почему не дождался Володина?! — спросила мать.

И стала плакать, а Лера — ее утешать. И собираться в дорогу, доставая из гардероба черные вещи: рубашку бывшего мужа, которая ей раньше

очень нравилась, тонкие брюки и черные же туфли.

Она заехала к сестре, которая всегда была любимым ребенком отца, самым маленьким и нуждающимся в опеке. К слову сказать, брат был любимым ребенком матери... А Лера была тем, кого называют «отрезанный ломоть», и это нисколько ее не обижало — дали жизнь, и на том спасибо...

Солнце жгло нестерпимо. В голове Леры одна мысль опережала другую. Ей очень хотелось верить, что отец жив. И в то же время она знала, что это не так.

Всю дорогу (пять километров!) до рыбацкого поселка Лера молчала. Сестра рыдала и говорила: «Ты не любишь его! Ты не плачешь!» Что могла ответить Лера? То, что плакать — не значит любить? То, что душа ее на время заморозилась, застыла в недоумении? То, что нужно кому-то смотреть за матерью теперь, а упасть в обморок она всегда успеет?

...Отец лежал на берегу моря на деревянной решетке лицом вниз. Лера почему-то так хотела увидеть его лицо, присела на четвереньки и увидела, что седых волос у него стало намного больше, чем было при жизни (еще в прошлое воскресенье!). Он плыл, он сражался за жизнь! Но в какой-то момент все же сдался?..

Мать с сестрой сидели поодаль на скамейке, а жена брата подходила к каждому и впихивала в рот какие-то таблетки. А Лере не нужно было! Она разговаривала с ним, а все мешали разговору. Все в одно и то же время всхлипывали, говорили и... были как будто в оцепенении.

Лера все сидела возле отца. Она не могла поверить, что это он. Казалось, что кто-то надел его куртку, такие знакомые брезентовые брюки, в которых он ходил на рыбалку, виденные ею сто раз носки в полоску, и прилег отдохнуть на этот деревянный шезлонг. Она сидела и прощалась с ним...

То, что было потом, слилось у Леры в один отпущенный ей кем-то промежуток времени. Она помогала брату в организации похорон, она ставила уколы матери, тете, сестре. Она слушала наказания батюшки на кладбище. Там, возле коварной разрытой ямы, Лера просто подошла к отцу, быстро поцеловала и ушла. Она уже попрощалась с ним — у моря.

Потом они с сестрой ждали полдня, когда привезут отца, прятались за поставленный кем-то на краю рыбацкого поселка вагончик и курили, курили... И сестра снова упрекала Леру в том, что та не плачет, что «не любила папу». Откуда ей было знать, что Лера в тот день убежала подальше от могилы и кричала в лесу страшным криком? Откуда

она могла знать, как больно Лера его любила?! Только ей было совсем не обязательно, чтобы это видели окружающие.

А на черных ее туфлях еще долго были капли воска, откуда они — Лера не помнила. Ее отведенный кем-то промежуток времени тогда закончился. Но он остался в сознании и может прийти в любой день, и тогда Лера все переживает, как 13 лет назад 9 июня.

Откуда знать людям, что она его и сейчас любит...

Воспоминания и размышления

Матросские часы она рассмотрела — ничего особенного, просто большой корпус из потемневшего металла, на циферблате вверху микроскопическая тонкая царапинка, а циферблатов, к слову, два! Ну и что? Их много может быть, часы ведь разные бывают.

Она снова завернула их в потемневшую дешевую бумагу, на которой расплылось одно единственное слово «Шмелев?», написанное ровным отцовским почерком. Бумага уже была похожа на рваную тряпку, но на ней еще можно было рассмотреть это слово.

Кто такой Шмелев?.. Эх, папа-папа...

На улице была то ли зима, то ли весна,

какая-то предвесенняя погода, несмотря на то, что пришел март. И так тоскливо Лере было от этих почти сумерек, от желтеющих на черной земле окурков, от маленького серого двора без солнца. Нет, он ей в принципе нравился — именно потому что маленький, и парк рядом, и церквушка, и центр города где-то близко... Но — не в эту погоду.

А потом пошел снег и очень скоро засыпал скучный двор и желтые окурки, а Лера все сидела над документами, причем в мозгах ее не переставая крутилась фамилия «Шмелев».

Галка важно ходила по перилам балкона, прокладывая на них дорожку. И тут Лера вспомнила — да-да, это тот мужик, с которым отец работал и даже дружил в последние несколько лет. То ли заместитель начальника котельной, то ли инженер...

* * *

Внезапно стало зябко и захотелось в ванну. Она любила напустить горячей воды (кто-то что-то говорил про пользу контрастного душа, — нет, только горячая ванна способна успокоить непрочные кисельные нервы), бросить в нее доллар в виде пахнущего заморским раем нектарина или, на худой конец, апельсин, и залечь в ванну думать. Или читать.

Всегда вместе с ней в розовое теплое нутро ванной комнаты приходили коты, по очереди становились на краешек огромной ванны и пили горячую воду. Если кто-то не успевал зайти, то потом начинал скрестись и проситься. Лера вздыхала, вставала, перегибалась и, держась за белый бок стиральной машины, открывала дверь. Кошка всовывала квадратную мордочку, не спеша протискивалась своим грациозным трехцветным телом, а хвост уже скользил сам по себе, нисколько не опасаясь, что его прижмут дверью. Немыслимая самоуверенность!

Запрыгивала она на стиралку так, как будто взлетала — вот она на полу, а вот уже вверху. Затем бесцеремонно закидывала вверх заднюю лапу и начинала умываться. Чистоте цветного шерстяного пяточка кошкиного тела могла бы позавидовать любая операционная. Кошка любила чистоту и, как могла, показывала это окружающим — как только они ее гладили, она дергала спинкой и принималась умывать «загрязненные» чьими-то руками участки шкурки. Кот был попроще — попил из ванны горяченького, и на корзину с грязным бельем. Спать.

Как назло, в голову ничего не лезло, как будто это была не голова, а кастрюля, наполненная до отказа ленивыми голубцами. Как могло это произойти? Почему он пошел на рыбалку один?

Почему не доплыл до берега, когда лодка перевернулась, хоть плавать умел отменно? Что могло произойти ночью в лодке, плывущей в тридцати метрах от берега? Даже перевернувшись, она все равно держала бы на воде хоть десять мужчин, и даже не умеющих плавать!

Кому мешал сильный, добрый, красивый и, самое главное, совершенно безобидный и не желающий никому зла мужчина?

Можно лежать в ванной до тех пор, пока вода остынет совсем, можно лежать и думать. Толку?!

История не была похожа ни на какую другую хотя бы тем, что в ней погиб человек, который был самым дорогим для нее, самым нужным и любимым. Ситуация была очень простой и прозрачной, и винить в ней никого не получалось — сам пошел на рыбалку, сам перевернулся в лодке, сам не смог выплыть. Все!

Но Лера все никак не могла поверить в то, что он САМ.

Кошка продолжала вылизывать свои лапы и уши, казалось, что уши вот-вот отвалятся от усердных стараний. Лера представила себе кошку без ушей, не получалось...

А получалось только одно — часы на черном ремешке, завернутые в пожелтевшую и некогда немного размокшую бумагу с фамилией Шмелев, написанной отцом. Что-то в этом было не так, и

Лера усиленно думала — что?! И тут она вспомнила.

Примерно через месяц после похорон сервант с отцовскими бумагами и блокнотами уже вынесли во времянку, и когда Лера в последний раз открывала его, там царил полный бардак. Бумаги лежали в таком беспорядке, как будто их специально оттуда выворачивали, скопом, чтобы найти что-то конкретное.

А еще... вскоре мать, еще не пришедшую в себя, уговорили навести порядок в книжном шкафу, беспокоясь о ее психическом здоровье. Потому что она делать что-либо просто отказывалась, все сидела в большой комнате недавно построенного отцом дома и смотрела в окно. Надо же было ее как-то отвлечь, вот и отвлекли.

Перед тем, как занять ее каким-то образом, книжные полки еще раз просмотрели, благо, там были просто книжки, еще Лерины. Спортивные костюмы, брюки и рубашки, майки и свитеры, мастерки и носки — остались в другом, одежном шкафу.

И мать стала перебирать и протирать книги, и на самой верхней полке обнаружила этот небольшой сверток — часы в пакете. После этого с ней снова сделалась истерика. Когда Лера увидела это, даже сплунула в отчаянии. Ну, все же пересматривали, все! Каким-то образом часы,

завернутые в бумагу с отцовским почерком и помещенные в полиэтиленовый пакет, попали за «Мастера и Маргариту»! И тогда она просто забрала эти часы с собой, чтобы мать еще раз, не дай Бог, не наткнулась на них. Бедная мать, сломанная смертью отца!

Лера включила неожиданно горячий душ и, прошипев нехорошее маленькое слово, выскочила из ванны как ошпаренная, возможно, и в самом деле ошпаренная!

Во времянке точно искали часы. Но кому нужны это часы? Они старые, и ценность представляли только для отца — как память о матросском прошлом, просто как винтажная вещь.

А если их искали и не нашли, кто-то один запрятал их за книгу в надежде, что кто-то другой не найдет.

* * *

Вода в ванной не остывала по той причине, что все время лилась из крана, горячая, изгоняющая озноб из тела. Точно так же, как она лилась, размеренно и настойчиво снова и снова возникали воспоминания.

Вот они собрались за столом: сестра с постоянно льющимися по щекам слезами и огромным, как красная груша, носом, брат, у

которого глаза напоминали застывающий цемент, и она, Лера.

— Уже ничего не исправить, — сказал брат, — мы ему уже ничем не поможем, мы можем только проводить его в... — он не договорил, но было понятно, что здесь должны следовать всем известные слова «в последний путь», только это прозвучало бы банально и даже пошло. И он не стал говорить. Он просто распределил роли — Лера смотрит за матерью и сестрой, он сам идет в спорткомплекс, где работал отец, и распоряжается подготовкой похорон.

Все правильно, все так и должно быть. Лера знала, что брат все сделает, как положено, и была благодарна ему, он мужчина, в конце концов, он как раз и должен быть всех трезвее и практичнее.

С самого детства брат был эталоном, кумиром, учителем и еще бог знает кем для нее. Он отвечал на все ее вопросы, и его мнение было для нее самым правильным и самым главным. Еще тогда, очень давно, когда семья жила в маленьком домишке, купленном отцом по дешевке возле Минского моря, Лера думала о том, что ее муж должен быть именно таким, как ее брат — умным, добрым, сильным и красивым. Она была уверена, что так и будет, но в жизни все вышло по-другому... Да и брат оказался на поверку другим. Не сотвори себе кумира...

Жара в тот день не отступала, открытые окна были занавешены простенькими гипюровыми занавесками, которые нисколько не шевелились — солнце палило, и ветер с моря, видимо, не мог уже сражаться с ним, не получалось. Мать, получившая изрядную дозу успокаивающих таблеток и уколов, неподвижно сидела в спальне, лицо у нее было серым, глаза — безумными, говорить она не могла.

Мать на самом деле была женщина-кремень, она всегда все делала по-своему и других вынуждала делать именно так, как хотелось ей. И никто не мог помешать этому, только отец, да и то в очень редких случаях.

Ту тарелку не бери, в нее я кладу только овощи, в эту кружку ничего не наливай, тут у меня молоко, пол не подметай, его нужно пропылесосить, окна не занавешивай, а то не увижу соседей.

Все, чем могла ей помочь, например, младшая дочь, которая приезжала по выходным, шло, так сказать, насмарку, все было сделано не так. Как хотелось матери. Не то чтобы женщина кремень, командирша-самодурка! Но это ей, конечно, прощалось, мать все-таки.

Но после происшедшего с матерью произошел

как бы стопор, и вся ее сила куда-то подевалась.

Почему-то все в те дни казалось Лере значимым, она видела какие-то мелочи, и они магнитом притягивали взгляд, оставаясь где-то внутри, в воспаленном мозгу. На маленькой старомодной тумбочке лежала папина длинная записная книжка с фамилиями и номерами телефонов, написанными четким отцовским и корявым маминым почерком. Из этой книжки брат выискивал тех, кому нужно позвонить и сообщить страшную новость.

Вот стоит старый стул (кажется, такие стулья называют венскими) с круглым сиденьем и гнутой спинкой, на нем еще вчера сидел отец. Вот красный телефон, его диск накручивал отец, когда звонил на свой строительный объект. Все это вокруг видеть было совершенно невозможно, и Лера непроизвольно прикрывала глаза, чтобы не видеть. Наверное, даже когда ей будет столько лет, сколько исполнилось бы отцу этим летом, она все равно не сможет смотреть на эти вещи без боли.

Дальше... дальше все было как во сне.

Итак, получалось, что эти часы кто-то искал, и он их не нашел, потому что они были совсем не там, где он их искал. Да боже ты мой, были б они бриллиантовые или, на худой конец, золотые! Так нет же, самые обыкновенные часы, совсем не

современные, с двумя циферблатами (почему-то) и никому не нужные. Никому?..

Но все же кто-то их перепрятал, и это был совсем не тот, кто их искал. А почему же он просто не забрал их с собой?!

Или искали совсем не часы. Тогда что? Боже мой, какая белиберда!

Апельсин был съеден, озноб — изгнан, а ответ, естественно, не найден.

* * *

Лера еще раз посмотрела на матросские часы, развернув клочок пожелтевшей бумаги. Часы как часы, снова подумала она, как повторяка-попугай. Нет, что-то здесь не то.

Отец брал их с собой на рыбалку, а потом они оказались в застегнутом нагрудном кармане брезентовой куртки. Может, поэтому и бумага размокла не до конца.

И с какой стати Лере пришла в голову эта мысль, что часы связаны с гибелью отца? Интуиция, что ли? Но отделаться от этой мысли она не могла. Вздохнув, она разгладила бумагу на столе, снова прочла «Шмелев». Стоп, после этого слова стоял вопросительный знак, и теперь получилось еще непонятнее: «Шмелев?». На этом бумага заканчивалась, кто-то когда-то просто

сложил ее под словом и аккуратно оторвал. А вторая часть листа, видимо, сгнула бесследно.

Отец работал «на объекте» — так все называли строительство нового спортивного корпуса возле моря. Тогда это был несуразный каркас, облепленный лесами и досками. Какой неадекватный архитектор придумал с одной стороны округлое, с другой — квадратное, а с третьей — треугольное здание, предназначенное в будущем для тренажеров, бассейнов, джакузи и сауны?

Он был простым кладовщиком и занимался тем, что принимал огромные мазы со строительными материалами, записывая аккуратным почерком наименования и объемы. Все всегда было у него записано в точности — сколько, когда и куда поступает. Смешно предположить, что он кому-то когда-то перешел дорогу.

Тогда, тринадцать лет назад, у Леры не было мобильного телефона, и она, приходя к отцу «просто так», располагалась в маленьком кабинетике, и, рассматривая папки с накладными, звонила всем своим знакомым, номера телефонов которых помнила.

Конечно, она могла это делать и из дому, но там было неинтересно, а здесь, где пахло соляной, деревянными стружками, побелкой и еще бог знает чем, ей было приятно сидеть за отцовским столом

под лопастями старомодного кондиционера, и «просто так» набирать номера телефонов. Боже мой, как это было давно!

Методы Вероники

Вероника сейчас была как нельзя кстати, потому как всегда давала ценные советы, причем за эти советы ей в некоторых ресторанах немало платили. Здесь не ресторан, — подумала Лера, и меню здесь скудновато — из горячего коньяк в пять звезд (при желании две из них можно зачеркнуть), из горячительного тоже коньяк с не зачеркнутыми звездами, а на десерт — можно принимать тот же коньяк десертными ложками.

Отличительной чертой характера того же ресторанного критика была привычка питаться «невредными» продуктами. Сегодняшним вечером среди невредных на столе был опять-таки коньяк. Если говорить проще — не закусывала Вероника!

Надо отдать ей должное, слушать она умела. Послушала-послушала да и сказала коротко так, емко.

— Ты хочешь узнать подробности гибели своего отца? Так в чем дело? Узнай!

— Как? — поморгав немного и прищурившись от крепости «горячей закуски», прохрипела Лера.

— Ну как... поезжай в родительский дом, ну, то есть, в те места, где он находится, и узнай, кто доставал папашу со дна морского, кто нашел часы и почему они оказались завернуты... ик! в эту бумагу. Ик!

При последнем «ик» любопытная кошка, пришедшая на «ик» первый, посмотрела на Веронику очень внимательно и с порицанием, а кот, будучи огромным, трусливым и безобидным, как бронтозавр, спрыгнул с табуретки, после чего она с грохотом упала, и помчался куда глаза глядят.

— Воды попей! А лучше возьми закуси, и перестанешь икать!

Это невероятно, но Вероника славилась тем, что всех учила придерживаться диеты и здорового образа жизни. А еще она точно знала, как убрать икоту, если таковая обнаружилась у человека, которого «развезло от усталости».

Как оказалось, это было довольно просто и не требовало никаких дополнительных усилий. Нужно было налить полный стакан холодной воды, потом встать таким образом, чтобы голова оказалась ниже, пардон, попы, и пить воду не с того края стакана, с которого все привыкли. Следовало сделать как минимум три больших глотка, в процессе чего вода проходила в горло каким-то другим путем, и дыхание открывалось. Мы пойдем другим путем, говорил молодой Ульянов, о котором

сегодня забыли. А ведь если б помнили, много чего удалось бы избежать — например, девальвации рубля после президентских выборов. Ой, да и выборов как таковых, может, и не было бы, а была бы... парламентская республика, к примеру.

Ну, так вот, после того, как «уставший» товарищ выпивал воду рекомендуемым образом, икота должна была покинуть его на ближайшие лет десять.

Однако в реальности происходило немного не так, как описывала Вероника. Человеку, конечно, наливали полный стакан воды — чего-чего, а воды у нас в стране предостаточно! Потом он становился в согбенную позу (проще говоря, раком), брал в руки стакан с водой и очень старался пить «с другого края». И это ему мало удавалось, потому что вода так и норовила попадать с «правильного» края и никак не хотела идти в горло другим путем, а начинала лезть в нос и проливаться на пол.

А если кто-то думает, что человеку, которого «развезло от усталости», было легко стоять в столь недвусмысленной позе, то глубоко ошибается! Человека несколько штормило, и, избавляясь от икоты, он часто начинал чувствовать потребность в процессах другого вида, которые в таком состоянии происходят в организме. Проще говоря, его начинало тошнить.

Как бы там ни было, но уникальный способ

Вероники срабатывал не всегда, и, как обычно, сапожник оставался без сапог — Вероника оставалась с икотой, разговаривая в стиле «абырвалг» (по старинке, по Шарикову).

То, что ей удалось выразить в промежутках между «ик!» в этот вечер, Леру просто поразило! Это правда, чем голову ломать, то лучше поехать и все узнать. Все оказалось просто: если ты не знаешь, что делать, то прими сначала решение — нужно тебе это или нет? А вот, приняв его, делай и не оглядывайся назад.

Она и не собиралась оглядываться.

Только приближающаяся весна была противна и жестока, она проводила в мозгах какие-то пертурбации, от чего мозги становились мягкими и податливыми. Вот повернешь их в одну сторону, а они, гады — в другой стороне, и не собираются ничего делать, у них ведь свои заморочки...

Так. Устами пьяных глаголет истина? Вероника сказала — реши и узнай. Я решила? Решила! А чтобы узнать, надо звонить, ехать, спрашивать. Хорошо, что есть интернет, где можно узнать все мыслимые и немыслимые номера телефонов, тринадцать лет назад все было сложнее, интернет был, но далеко не всегда можно было найти то, что нужно.

А тринадцать лет назад, к примеру, за фразу

«Добавь меня в контакты» могли заподозрить в том, что ты пьяный электрик и упечь в «психушку». Или, допустим, такое предложение, как «Я уже на взлетной полосе, включаю телефон» могло вызвать столбняк. А сегодня — нате, пожалуйста, берешь мобильник, включаешь интернет, вводишь «санаторий Морской» и получаешь все необходимые контакты.

Были номера всех служб, склада — не было. Ну, правильно: зачем тому, кто собирается поехать отдохнуть в санаторий, нужен какой-то склад. А может, его уже давно и в помине нет?! Корпус-то уже достроили лет пять назад.

— Вы вообще куда позвонить хотите? Мы — не строительная база, мы оздоровительная база! — сказала администратор на рецепшн довольно сладким голосом, видимо, заподозрив Леру в неадекватности.

Хорошо, теперь сделаем по-другому. Мы пойдем другим путем, говорил Володя Ульянов. Вот если бы знать — какой этот путь! Лера сделала кофе покрепче и уселась перед ноутбуком, решив передохнуть от тяжких дум. Пришла кошка, влезла на спинку дивана, подошла к Лере и стала бодаться своей клетчатой мордахой.

Вот уродилось же такое создание — на голове почти симметричные квадратные пятна, белое, темно-серое и рыжее (белых — два). Мордочка

остроногая и немного хищная, и когда кошка возмущенно оборачивается, если кто-то ее вознамерится погладить, она напоминает некоего мангуста, охотника на змей, из мультика раннего детства «Рикки-Тикки-Тави». Она была как будто гуттаперчевой, ее кошка, когда поднимала голову и, в то же время, выкручивала ее далеко назад. Ветеринар сказал однажды, что можно смело считать ее британкой. Но кто сказал, что британки гуттаперчевые?!

Кошка поднимала одну лапку и бодалась клетчатым лбом Лере в ухо, а затем, по обыкновению, стала грызть дужку очков. Ну, хватит!

Но тут эта вот дужка очков напомнила Лере о старом очкастом друге отца, который собирался в тот злополучный вечер с ним на рыбалку и почему-то не пошел. Как раз тринадцать лет назад он работал на строительстве санатория. Его звали Володя Володин, потому что так звать его было просто и мило, и имя с фамилией обычно вызывало у людей улыбку.

А на самом деле это был Владимир Петрович Володин, главный электрик при возведении столько нелепого корпуса, придуманного, видимо, такими же нелепыми архитекторами. Никуда не годились архитекторы! Какие пьяные умы вылили на ватманы бумаги фантазию в виде ядовито-синего

фасада с маленькими квадратиками не менее ядовитого голубого цвета в самых неожиданных местах стены!

Недаром, еще когда это были сплошь леса с одной квадратной стороной, второй округлой и третьей треугольной, — это было настоящее убожество.

Номера Володи Володина у Леры, конечно, не было, но зато его самого должны были хорошо помнить в администрации санатория.

— Здравствуйте! Рецепшен слушает, — промурлыкала трубка. — Владимир Петрович на объекте.

— На каком объекте? Его же уже построили!

— В здании второго корпуса, там идет ремонт.

— А вы не могли бы сказать номер его мобильного телефон? Пожалуйста! Очень важное дело!

Володя Володин

— Володин! — сквозь занудные звуки какого-то нескончаемого процесса, который создавался, видимо, перфоратором, прокричал в трубку этот самый Володин.

— Владимир Петрович, это Лера! Лера Бортник! Вы меня помните?

— Конечно, помню, Лерочка! Где ты? Говори громче!

Говорить было совершенно невозможно, и она поняла, что не сможет узнать у него по телефону ни-че-го, даже если перфоратор перестанет тархтеть, как древняя бор-машина, даже если установится первозданная тишина.

Потому что в минуты именно такой тишины нужно будет говорить очень неприятные вещи, очень интимные, такие, от которых становится больно и сердце начинает давать сбои. Нужно будет говорить о том, КАК это произошло, и делиться тем, что так мучает ее вот уже несколько лет — ПОЧЕМУ отца не стало. И говорить о том, что не дает покоя всего несколько дней — почему и как часы, завернутые в пожелтевший кусок бумаги и помещенные в полиэтиленовый пакетик, оказались для кого-то так важны?

Именно в такой тишине ей будет казаться, что все ее слова кто-то подслушивает!

— Владимир Петрович, как вас можно увидеть и поговорить с вами?

— Девочка моя, приезжай ко мне за город! — прокричал он. — Приезжай на объект, я отсюда еще неделю не смогу вырваться.

— Хорошо. Я позвоню перед этим!

Она выдохнула и нажала на красную трубочку внизу экрана.

Тринадцать лет назад он был довольно упитанным и уже не очень молодым человеком, конечно, не таким как отец, которому должно было исполниться шестьдесят, но все же... Не очень высоким и не очень красивым мужчиной лет сорока или около того, стриженным и каким-то неуклюжим. Несмотря на все эти, казалось бы, недостатки, Володина уважали, Володин нравился женщинам и вообще всем, кто имел с ним дело, эта его кажущаяся неуклюжесть как бы намекала на его доброту и простоту души, на какую-то искренность, что ли.

Давно, очень давно отец привел Володина в только что купленный возле моря домик и сказал ему — посиди пока здесь, а я соберу снасти. Новый знакомый остался сидеть на скамеечке возле дома, потом вышла мать, и они познакомились. Мужчины ходили на море вдвоем или втроем — с этим самым Шмелевым, Лера его помнила тоже.

Мать была недовольна, она всегда была недовольна, когда отец уходил. Когда-то много лет назад, в давней молодости, цыганка нагадала ей, что ее муж погибнет от воды...

Они все же ходили, и однажды взяли даже ее с собой — не брата, а ее, Леру!

Отец всегда молодец на рыбалке, тем более в компании «молодежи» — смеялся, сыпал шутками,

хвастался перед Володей своими матросскими часами, которые были и компасом, как говорят, «в одном флаконе». Напевал песню о том, как «в флибустьерском дальнем синем море «Бригантина» поднимает паруса».

Тогда лет двадцать, наверное, прошло, как он закончил службу на флоте, но все не уставал рассказывать про друзей-матросов и хвастать своими часами-компасом.

А потом его не стало. И никто не вспомнил о его часах, но дело уже было не в этом. Его не стало...

Лера понимала, что, конечно, пройдет время, и уже не будет так больно. Все пройдет, как говорил один еврей.

Володин, ставший другом семьи, постоянно успокаивающий то маму, то Леру, помогающий брату организовать поминки, так и говорил, цитируя надпись на кольце Соломона: «Все проходит, пройдет и это». То есть, конечно, все, что сейчас происходит, когда-то закончится, все пройдет, даже память моя закончится, но она закончится вместе со мной.

Лера попыталась представить Володина — интересно, сильно он состарился?

А еще она думала о том, что спросить у него, как начать разговор? Владимир Петрович, вы не

знаете, как отцовские часы попали за книгу Булгакова? Или нет. Владимир Петрович, вы не помните, что именно после похорон брат Константин так долго искал в отцовских вещах (он сказал, что снасти, но мне-то понятно, что это не так!). Володя Володин, помоги мне понять, что за темные дела затянули моего отца на дно моря и выбросили в тридцати метрах от берега!

Брату она не верила. А в тот день, когда все произошло, уже после похорон, когда все сидели за столом, он долго находился в отцовской времянке, где стояли удочки, а в холщовых хозяйственных мешках хранились браконьерские сети. На полочках стояли круглые и плоские баночки с самой разной мужской ерундой. Что там можно было искать? Или кто там мог быть, чтобы Константин там застрял?

Лера, которая не плакала над гробом, не плакала на кладбище и вообще не могла плакать, вышла из-за стола и побрела на так называемый хоздвор, где стояла эта времянка из досок, еще там рос куст ирги, пряча под своими раскидистыми листьями скамейку, на которой отец часто сидел, пыхтя сигаретой.

И тут она увидела Константина, выходящего из времянки, и зашла за куст — не потому, что хотела что-то увидеть, будучи незамеченной, а потому, что просто не хотела никого видеть. Ей

было очень плохо, больно, страшно, одиноко! Так уж получилось, что в своей семье она была тем, кого обычно называют «отрезанный ломоть»...

Потом, уже через полчаса, на улицу вышел Владимир Петрович, к нему захотелось броситься на грудь и по-бабьи зарыдать. Но Лера не бросилась и не зарыдала, ничего-то у нее не получалось. Не была она настоящей женщиной, а была каким-то железным дровосеком, который и в масле для смазки не нуждался, а просто шагал по неведомой никому стране, размахивая со скрежетом своими неуклюжими руками, и все время работал, напрягая свой металлический мозг.

Но, будучи сделанным из железа, дровосек притягивал к себе магнитом скрепки, кнопки, иголки и прочую надежную составляющую жизни. К Лере прибивались, как к спасительному берегу, всякие-разные люди типа Вероники и Анечки, давней смешной подруги. Только это были не скрепки, а хорошие знакомые и настоящие друзья.

* * *

Свою машину она поставила возле шлагбаума, заплатив полной женщине, которая, видно, была тут главной по шлагбаумам. Не наступившая, но уже так замучившая Леру весна, сделала серым и неуютным Минское море. Какое ж это море,

подумала она, нет никакого Минского моря, есть Черное, Белое, даже Мертвое, а Минского — нет. Это просто водохранилище, придуманное на месте давнишнего леса и темного непроходимого болота, которое некогда высосали шлангами, опустошили, высушили и засыпали песчаником.

Настроение было не ахти какое, а тут еще на горизонте показалось это ядовито-синее здание якобы-аквапарка. Придумали же такое несуразное строение, — снова подумала она.

Второй корпус стоял в некотором отдалении, где все было не так плохо — облагороженная территория, вокруг дремучий, почти шишкинский лес со старыми елями и засыпанной шильником темной землей.

И тут она услышала недавно слышанный тарахтящий звук, который доносился из холла, где-то рядом был Володя Володин. Хоть это было не строительство, а всего лишь ремонт, именно звуки перфоратора (или дрели, неважно), гулкие голоса в пятиминутной тишине, пыль и грохот напоминали о том, что к этому делу, строительному, также был причастен отец.

Лера, Вероника и Анечка

Мать с отцом познакомились тоже на стройке, куда они давным-давно приехали по

комсомольским путевкам, она — со своего брестского поселка, он — из старой белорусской деревни, на самом краю которой жили бабушка с дедушкой, а сразу за их домом стояло кладбище...

В Минске родители в составе каких-то молодежных бригад строили жилые дома и магазины, а сами жили в общежитиях, отец — в мужском, мать — в женском. Она была маленькой и весила сорок восемь килограммов, в отцовской деревне говорили — не выживет, пусть бы женился на какой-нибудь сильной, пригодной к жизни.

Но она упрямо таскала кирпичи и шпаклевала стены, все же лучше было работать в большом городе и зарабатывать — пусть не ахти какие — но свои деньги, чем сидеть в маленьком поселке, где было решительно нечем заняться, разве только в парикмахерской работать. А ей, как и многим молодым девушкам, хотелось в город, и он манил их всех, выпускников, только что закончивших семилетку, как мошкару — местные фонари.

А однажды на этой самой стройке, шпаклюя очередные окна, она вывалилась с третьего этажа. И тогда отец чуть не упал вместе с ней, но, опомнившись, выскочил, перелетая через ступени, на улицу, и понес ее на руках до самой «скорой», и ждал на коридоре приговора врачей, и долго сидел потом возле кровати. И у медсестер не поворачивались языки выгнать его из палаты —

такие безумные глаза были у него. «Я здесь, Марийка», — говорил он. Такое имя он дал тогда маленькой щуплой маме, которую звали Мария.

А вскоре после этого случая они прогуливались по улицам и увидели ЗАГС.

— Давай распишемся, завтра в девять, — сказал он.

— Давай, — просто так ответила она в полной уверенности, что это шутка.

Но на завтра отец стоял возле женского общежития ровно в девять. Они оба были юные, немного бесшабашные, красивые парень и девушка, а теперь его нет, он утонул в море 13 лет назад, и никто не знает, почему, и главное — кто ему помог в этом. А мать, оставшись без него, стал совсем другой, потеряла радость и бесшабашность.

В то, что был помощник — его дочь не сомневалась...

* * *

Посередине пыльного холла второго корпуса стоял мужик в очках и кепке, лицо его было серым, а за ухом торчал карандаш. Собственно все в этом помещении было серого цвета — начиная пленкой, накинутой на немногочисленные стулья, и заканчивая воздухом (если это вообще можно назвать воздухом). В прозрачные окна с трудом

пробирались солнечные лучи, а там, где все-таки пробирались, делали невообразимые вещи — пылинки складывались в толстые раструбы, падающие на пол, и в этих раструбах кружилась метель из пыли.

Такие же мужики в кепках ходили по просторному помещению и о чем-то громко говорили, и эхо раздавалось под высокими потолками корпуса.

Тут Лера не выдержала и громко чихнула, и все обернулись.

— Лерочка, это ты? — мужик с карандашом за ухом быстро пошел ей навстречу, взял за руку и потянул на улицу. — Идем скорее, а то потом будешь долго отмываться.

На крыльце он крепко обнял ее, потом отстранил, внимательно посмотрел в лицо и снова обнял. А потом снял кепку.

Лера никак не могла взять в толк, что этот наполовину лысый и наполовину седой мужик и есть Володя Володин, так назвать его у нее уже и язык не повернется.

— Владимир Петрович, здравствуйте! Как хорошо, что я вас нашла, наконец!

— Ну, молодчина, что нашла! Сколько лет-то не виделись?

Сколько лет... много, целых тринадцать. Когда они разговаривали в последний раз, возле

отцовского дома стояла толпа каких-то родственников, близких и дальних, все тоже прощались, тихо переговаривались. Это было сорок дней. Говорят, что в это время душа покидает тело, улетела она от тела...

На улице было невыносимо душно, надвигалась гроза, и все, как будто не желая попасть под ливень, стали прощаться как-то суетно, и им как будто было стыдно, что они уходят и оставляют мать, которая отныне была вдовой.

Так все уходили, а Володя Володин оставался стоять, он старался еще хоть что-то сказать, как-то утешить, но у него это уже не получалось, и он сам понимал это, и терялся, и замолкал.

* * *

— Владимир Петрович, мне нужна ваша помощь. Я хочу найти человека по имени Шмелев, вы такого не знали?

— Да был такой у нас, он на складе работал, только когда-а-а это было. А зачем он тебе?

— Я хочу узнать, не осталось ли у него каких-нибудь папиных документов. Вот собираю архив — фотографии, письма, его записи, хочу сделать сайт, посвященный родным людям. «Навсегда» называется. Очень почему-то захотелось собрать семейный архив.

Что на нее нашло? Все придумывалось на ходу, как в игре «Что? Где? Когда?», где она сегодня могла бы заработать хрустальную сову за креатив. Но не говорить же ему в самом деле о часах да оборванном клочке бумаги?! Он точно подумает, что с ее головой что-то не так!

— Ну, понятно. Хорошее дело затеяла, ты всегда была неглупой девочкой. Видел бы отец, какая ты сейчас...

— Не нужно, Володя, прошу вас.

— Да, да, прости. Так вот. Шмелев Василий давно уже не работает здесь, у него в семье там что-то приключилось, то ли жена попала в больницу, то ли сам он. Словом, он пропал вскоре после... того случая. По-моему, и на похоронах-то не был.

— А вы знаете, где он живет? Они с отцом вроде на учебу какую-то ездили, и у этого Василия должны были остаться фотографии или еще что-нибудь. А... может быть, и у вас самих есть что-то?

Володя Володин посмотрел на сосны, потом на небо, потом вынул карандаш из-за уха и почесал им затылок. Думал.

— Да, ты позвони мне послезавтра, я вряд ли до того времени окажусь в городской квартире. Сама видишь, что тут за бедлам, вот как раз в пятницу и окажусь. У меня есть кое-какие

фотографии. А Шмелев... вот тебе номер телефона отдела кадров. Придешь к ним, покажешь эту записку, они помогут, у них должен был остаться адрес.

— Спасибо большое!

Они опять обнялись и некоторое время так постояли. Потом Лере даже как-то совестно стало, что она обманула его. Да не обманула она, она просто не сказала всего, не выдала своих планов. Но кто ей поверит? Кто воспримет всерьез то, что она хочет сделать? Вот именно, никто!

В отделе кадров ей и вправду дали адрес Василия Шмелева, и она покатила в город. А пойти на берег так и не решилась, слишком больно было представить этот самый берег, где отец лежал лицом вниз, и его мертвые седые волосы шевелились под легким морским ветром. И знакомая брезентовая куртка была на нем и болоньевые рыбацкие брюки. И один резиновый сапог лежал в тростнике... И кто мог поверить, что он просто утонул в тридцати метрах от берега? А все поверили. А Лера — нет!

Сразу же она поехала по данному ей адресу. Но, как это говорится — поцеловала замок. Не было никого в той квартире, а на Лерины вопросы соседи, во-первых, отвечали неохотно, а во-вторых, просто косились и вообще не отвечали. Выходит дело, что не живет тут Шмелев, и семья его тут не

живет. А где живет? Да кто ж его знает. Квартира продана лет восемь назад, или десять, а сам хозяин уехал к детям, что ли, а жена его вообще в больницу попала уже давно, и с тех пор не появлялась, может, до сих пор еще в больнице. Как такое может быть? А вот как — не больница это вовсе, а какой-то то ли пансионат, то ли диспансер. Так сказала ей старушка, вышедшая на улицу с пакетом мусора.

Тогда Лера решила дождаться новых хозяев, которых сейчас не было, и присела на лавочке возле дома. Все, что она сегодня смогла узнать, не очень-то ее радовало, точнее, совсем не радовало, потому что не продвинулась она ни на шаг после того, как решила, что отец не сам утонул, и после того как решила узнать, кто ж его «утонул»...

Возле дома стояли скамейки, и на них, слава Богу, никто не сидел. Очень она устала, чтобы с кем-нибудь еще и разговаривать, поэтому отсутствие «отдыхающих», так сказать, было даже на руку. Отсутствие отдыхающих... вдруг ей подумалось другое: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Почему он сам себя не спас, когда мог сделать это прекрасно?..

Лера наблюдала за входом в подъезд и думала о том, что если она не найдет никакого Шмелева, тогда что? Все, ниточка не то чтобы оборвалась, ниточка сначала истончилась до невозможности, и

потом уже и обрываться ей незачем — кому она такая тонкая нужна?

К подъезду подходила блондинка лет сорока с сумкой через плечо, в красной кожаной куртке и джинсах. Лера встала навстречу.

— Извините, пожалуйста, может, вы знаете кого-нибудь из 21 квартиры? — спросила она.

— Я именно из нее, — сказала блондинка. — Вам что-то нужно от меня?

Лере понравилась прямота вопроса, и она спросила о Шмелеве. Зная свою болтливость, все время помнила о том, что больше говорить ничего не надо. «Закрой рот! Закрой рот!» — часто говорила она себе.

Но разговор завязался. И оказалось, что Татьяна Ивановна (новая хозяйка квартиры) купила эту самую квартиру в риэлтерском агентстве лет тринадцать назад, а о старых хозяевах она знает только то, что они тут не живут. Василий квартиру продал, потому что ему срочно понадобились деньги, а сам, говорят, переселился к своему племяннику. Жена его Анна попала в психдиспансер примерно в то же время и с тех пор живет там.

Вот. Новый поворот, сказал бы Андрей Макаревич...

* * *

Когда моешь голову гелем для душа вместо шампуня, и не возникает даже мысли о том, что не ту бутылочку взяла; когда с утра выходишь на кухню, чтобы попить кофе и творишь невероятные вещи — например, сыплешь этот самый кофе в чашку с холодной водой; когда не считаешь удачным каждый день, в который: не сгорела гречневая каша на плите, не разбилась ни одна неразбиваемая чашка, ты сама не ударилась лбом в дверь либо в дверцу кухонного шкафчика, когда не разговариваешь с котом два часа кряду... знай — пришла жуткая, никому не нужная весна! И деться от нее ну просто НЕКУДА!

В один из таких чудных дней к Лере приехала еще одна подруга — верная, неподкупная, в меру воспитанная и в намного большей степени веселая, романтическая и влюбчивая Анечка, с которой ей довелось проработать два года в институте генетики и цитологии. Как Леру туда занесло — загадка природы, но она пришла в мир, где царило — ни много ни мало — а настоящее горе от ума.

Никогда, ну никогда она не думала, что ученые — такие придурки, а тут увидела своими глазами, как знатные мужи занимаются выведением, например, сортов томата, которые нигде не выращиваются и никогда уже не будут, потому что для высадки их в совхозах не хватает

каких-то мудреных удобрений (и почему нет — никому неизвестно!). Да и слово «выведение» здесь чисто символично, потому что где ж ему самому этим заниматься, он же заведующий лабораторией, он должен руководить!

Или, например, опыты по выращиванию тритикале (если проще, то смесь ржи с пшеницей). Было решено, что смесь таких зерен даст большой урожай, которым можно будет кормить колхозный скот, и, главное, избавиться от утомительного процесса перемешивания ржи и пшеницы — все ведь уже и так будет «с рождения», так сказать, перемешано!

Но когда уже перемешали и посадили, оказалось, что да, кормить скот можно, однако свежеизобретенное тритикале не дает урожай на следующий год, потому как это однолетнее растение.

* * *

Анечка приехала в своем недавно купленном берете цвета сливок с недвусмысленным бантиком — она всегда надеялась встретить свою половинку — хоть в троллейбусе, хоть просто на улице. А бантик был как раз кстати, и они с Лерой с самого его появления (вместе с беретом) определили его сексуальность на уровне «пять звезд».

Как и всякая женщина, которая думает, что она умная и скрытная, Лера в подробностях рассказала своей подруге о своих сомнениях и переживаниях.

— Так ему точно помогли утонуть! — Анечка заволновалась не на шутку. — Тебе теперь нужно узнать, кто бы это мог быть. Надо все же найти этого мужчину.

Мощная Анечкина грудь вздымалась, глаза повлажнели, когда ее шустрые пальцы резали огурцы и томаты для салата.

К мужчинам у подруги было особое отношение. Она считала, что у нее должна быть «вторая половина», и, видимо, правильно считала, ведь и Бог так когда-то решил — две половины, и никаких гвоздей!

И все бы ничего, но Анечка искала свою «половинку» отчаянно и просто-таки без устали! Любой, кто стучался ей в скайп и писал о себе, был потенциальным кандидатом на эту самую «половинку». Анечка относилась к вопросу серьезно и старалась найти в новом друге как можно больше положительных качеств. Это было непросто, но она не сдавалась! Причем все, абсолютно все свои романы она облекала в некую романтическую оболочку. Когда, например, очередной мужчина обещал к ней приехать, она готовилась с полной ответственностью к встрече —

покупала новый халат или нижнее белье «с кружачками», делала стрижку и колорирование.

Лера говорила, чтобы она особо не старалась, потому что все романы заканчивались достаточно быстро и с одним и тем же финалом: Анечка долго препиралась с судьбой и горькой правдой жизни и, когда, наконец, понимала, что ничего не выйдет (хоть тресни!), с большим трудом и душевной болью отдирала от своей души того, с кем раньше готова была вести совместное хозяйство и о ком говорила ранее «А может, мы сердца соединим»...

Душа к тому времени была уже основательно приросшей к могучему толстому другу, плечистому в животе, как когда-то говорил Лерин отец. И поэтому эта душа долго ходила перевязанной, причем менять повязки было до безумия больно. Потом на нее дули, мазали мазями и снадобьями, тихонько прикрывали тонким и мягким бархатным покрывалом понимания и сочувствия.

И Лера сто пятьсот раз говорила, что надо, чтобы было все по-другому! Но все ее усилия были бесполезны, и ей было очень жаль подругу, очень!..

В этот раз Анечка уже рассказывала о своем новом «друге», написавшем ей в скайп. Эти друзья вообще появлялись на сайтах знакомств как грибы, а затем перекочевывали в ее скайп — Анечка все же не теряла надежды найти своего избранника. Они валились просто пачками из интернета, как из рога

всего много.

В данном случае «всего» означало именно то, что означало — среди молодцев встречались: бабники, желающие просто развлечься; маменькины сынки, привыкшие к заботе и сочувствию; скупердяи в разводе (видимо, потому и в разводе); алкоголики, не желающие признавать своего «недуга». И еще действительно много-много всего.

С первыми Анечка, хоть с трудом, но разрывала отношения, вторым утирала сопли, третьих пыталась перевоспитать, четвертых поддерживала. И во всех, абсолютно во всех она видела что-то хорошее, всех старалась оправдать в своих глазах, всем хотела помочь, такое уж доброе было у нее сердце.

Внимать Лериным советам у нее не получалось, а Лера-то плохого не посоветует. Например, зачем звонить «другу» по пять раз на дню? Или как можно простить его, если он хоть раз повысил голос в разговоре с ней? Как?

Анечка всякий раз говорила, что ей, видно, на роду написано быть одной или что она заговоренная, и ей надо сходить к колдуну, чтобы тот снял отворот.

— Ой, Лерка, а как же тебе искать? Сколько лет прошло! Что ты там узнаешь? А, нет! Узнаешь, если хорошенько подумать, что искать и что у кого

спрашивать... А покажи-ка ты мне эту штуку.

Лера принесла часы, как они и были найдены в ящике с бумагами — завернутые в клочок оторванной записки. Анечка отодвинула тарелку с салатом и курицей («я, как выпью, так люблю закусить!»), вытерла салфеткой не такие уж грязные руки и осторожно развернула часы.

— Да, Лерочка, ты делаешь правильно, что ищешь этого человека. Может, он хоть что-то тебе расскажет. Но пока его нет, и что ты будешь делать теперь?

— Объеду психдиспансеры, их у нас в городе не так уж и много.

— Эти психи такие странные.

— Психи... да... Ты о каких психах?

Анечка рассказала, что не так давно начала сотрудничать с институтом психического здоровья. По своей доверчивости и доброте она согласилась работать у них патентоведом по совместительству.

— Ой, Лерочка, какие это хорошие люди, такие вежливые, такие добрые!

— Ну, такие уж и добрые! У тебя все добрые.

— Нет, я правду говорю. Только знаешь, они странные немного...

— Это как? — спросила Лера, и у нее в голове уже построилась некая схема о связи направленности деятельности института с

адекватностью его научных работников.

— Понимаешь, почти у каждого работника есть в столе бутылочка с лекарством, маленькая такая. И вот они время от времени достают свою бутылочку и выпивают из нее глоточек.

Как узнала Анечка из своих источников, сотрудники института психического здоровья изобрели некое успокаивающее средство, и пили его всякий раз, когда нервничали. А так как для опытов у них были только крысы, а «человеческого материала» им никто не дал на испытания, то они решили сие средство испробовать на себе. До Анечки также дошел слух, что этот изобретенный препарат может привести к импотенции...

Лера живо представила «добрых» людей, тихонько достающих из «шуфлядок» (как говорила Анечка) своих столов пузырьки с чудодейственным средством и делающих из них несколько глотков. При этом на лицах у серьезных дяденек и тетенок витает блаженная улыбка. Сначала Лера от души посмеялась, а потом подумала о том, что эти же люди проводят и другие опыты, с другими препаратами, исследуют каких-то больных. Вот что они могут исследовать, когда сами ненормальные?!

Тут же вспомнился анекдот о психиатре, к которому пришел пациент.

— Что вас беспокоит?

— Вы понимаете, я чашечки чайные люблю.

- Ну-ну, хорошо, я тоже их люблю, и что же?
— Так я их есть люблю, особенно ручки!
— Да-да, голубчик, я тоже считаю, что ручки
— самое вкусное!

* * *

Обзвонив несколько заведений, Лера узнала, что женщина по фамилии Шмелева нигде них не значится. Значится, в списках не значится... как говорили в военное время. И что теперь? Бросить все дело, начатое с таким запалом, с «засучиванием» рукавов, с чисткой оружия и сбором патронов про запас? С развернутым планом действий и мщения злодею, погубившему родного человека, самого родного!

Еще одна попытка. Снова поговорить с Татьяной, живущей в квартире Шмелевых. Нет! Не одна! Последней инстанцией будет все же отдел кадров санатория, в котором работали и отец, и Шмелев, — для выяснения любых, даже незначительных данных об этом человеке.

Снова ехать в санаторий не пришлось, потому что Татьяна Ивановна и сама позвонила Лере через несколько дней, чтобы сообщить о появлении во дворе дома еще одного любопытного человека. То есть, она сказала не так.

— Валерия, вы просили позвонить, если я

что-нибудь вспомню. Так вот. Я не вспомнила. Но ко мне приходил один мужчина, который так же, как и вы, спрашивал о Шмелевых.

— И что вы ему ответили?

— То же, что и вам. Что муж пропал, а жена в какой-то больнице.

— Татьяна, вы совсем-совсем ничего не вспомнили? Может, все же...

— Нет, — отрезала Татьяна. — Ни-че-го!

И тут у Леры внутри головы что-то произошло — вот проклятая весна! В голове — щелк, а в груди — холодок пробежал какой-то. Как будто где-то близко замаячил просвет наподобие солнечного луча, который в темном лесу пробирается через дремучие лапы елей, и нужно только определить, с какого боку подойти, чтобы безболезненно обогнуть эти колючие лапы и не пораниться, и не навредить себе, и не закрыть случайно этот луч, нечаянно заслонив другими ветками.

— Подождите! — почти крикнула она. — Татьяна, дорогая, можно к вам подъехать еще раз? Только на две минутки, пожалуйста!

Она мчалась и от нетерпения покусывала губы. Решая важные вопросы или думая над очередной статьей, она то и дело кусала губы, крутила в пальцах кусочки бумаги, оторванные от каких-нибудь несчастных листов, и еще дергала

уши. Вот умора, если со стороны посмотреть! Сейчас ни крутить бумажки, ни дергать уши она не могла, потому что была за рулем. Оставалось только кусать губы.

У Татьяны она попросила документы на квартиру. Та, конечно, упиралась, что-то бурчала, но, поняв, что непрощенная гостья все равно не отстанет (упрямая bestия!), принесла папку.

В ней был договор на куплю-продажу, технический паспорт, план квартиры, еще что-то. Квартира ранее была оформлена на Василия Шмелева. Лера пересмотрела все очень внимательно и, наконец, нашла то, что искала — в копии паспорта хозяина квартиры на страничке о регистрации брака была указана фамилия его жены — Серова! Она же могла и не менять фамилию, выйдя замуж — многие так делают.

Лера рассыпалась в поклонах перед Татьяной и выскочила из подъезда. Та только пальцем у виска покрутила — вот какие бывают сумасшедшие!

Теперь Лера была уверена — все не зря, все как надо! Она снова стала обзванивать диспансеры и «психушки», засев на диван с трубкой домашнего телефона. Одним регистраторам она врала, что пропала родственница, и ее уже ищет милиция, и не могли бы они просмотреть списочки больных, в другом заведении придумала что-то про бабушку. А

где-то сказала, что ушла родная тетя, и теперь ее уже два дня нет, на что ехидная регистраторша ей ответила что-то типа «если у вас нету тети, то вам ее не потерять»...

В конце концов, кто-то (самизнаеткто) сжалился над ней, и на том конце провода ей сказали: «Здесь ваша тетя, приезжайте». Это был действительно психиатрический диспансер, расположенный на улице Бехтерева.

Ехать в «психушку» Лере одной было страшновато — как-никак психи ж кругом, вдруг что-нибудь... какой-нибудь Наполеон признает в ней Жозефину и набросится?

И Лера обратилась к Веронике — все же человек проверенный и не такой эмоциональный, как Анечка, например... Тем более что Вероника знала Леру очень хорошо, даже не сказать «как свои пять пальцев», а скорее — как себя всю — с головы до ног! И, главное, то, что бывает в изломанных воспоминаниями Лериных мозгах, тоже знает. И про рассеянность, и про забывчивость, и про разные казусы, постоянно преследующие Леру в ее нескучной жизни.

Казус

Дело в том, что Лера была настолько творческим человеком, что при слове

«Здравствуйте» — у нее могли произойти в голове такие пертурбации, от которых их хозяйка могла забыть, что делала минуту назад.

Например, они однажды вместе с подругой Вероникой купили на рынке новую сумку для Леры и сели в маршрутку, чтобы ехать в город. Отдышавшись после шопинга, Лера стала рассматривать покупку и перекладывать в нее содержимое из старой сумки.

Сумка очень нравилась. Подруги, довольные, вышли из метро, и Лера, не жалея, выбросила старую сумку в мусорную урну — она вообще не жалела старые вещи, как не жалела и о прошлом. Ну, вот какой смысл жалеть, если не воротишь, как говорится?..

Вот выбросила и забыла. И день пошел своим чередом: сбор материала для журнала (тогда они еще выпускали журнал республиканского масштаба и заламывали на него такую цену, что Космополитену и не снилась!), верстка, подпись документов...

А вечером, уже за ужином, она вдруг подумала о том, что при перекладывании всяких мелочей из старой сумки в новую она почему-то не увидела своего паспорта! Вероника, как обычно, назвала ее «безмозглым созданием».

Они уже успели немного поесть и выпить коньяку, но решили, что откладывать нельзя!

Быстро оделись и потрусили к метро, где в каменной урне должна была покоиться выброшенная старая сумка.

В урне сумки не оказалось, тогда они вошли в метро и, глядя нетрезвыми и жалостливыми глазами на тетеньку-контролершу, спросили, забирали ли сегодня мусор (хоть и так было понятно, что забирали). Она ответила, что это печальное событие произошло час назад.

Лера с Вероникой, сильно расстроенные, шли обратно, но последнюю осенила ценная мысль: нужно узнать, КУДА его увезли! Тетенька-контролер не удивилась, увидев их снова, и ответила, что недалеко от общественного туалета возле метро есть огромные мусорные контейнеры, в которые и уносят поначалу весь мусор из бачков, что стоят возле стеклянных дверей метро. А потом уже его забирают на городскую свалку, и это происходит в шесть часов утра.

Уффф! Есть время, подумали синхронно обе и с надеждой в сердце браво пошли к контейнерам.

На улице уже стемнело.

— Слава богу, — сказали они в один голос. Все же неприятно копать в мусорных контейнерах при свете!

Но в темноте был и минус — найти сумку в зловонном содержимом было совершенно невозможно. Девушки вооружились какими-то

палками с ближайших куч, оставленных после ремонта близстоящего здания, и пошли на врага.

Трудно описать все унижение, испытанное ими, когда мимо шли запозднившиеся прохожие и вдруг видели при свете отдаленного фонаря двух симпатичных хорошо одетых молодых женщин, неистово копающихся в мусоре. Трудно передать, как на них посмотрели пришедшие «на работу» местные заслуженные бомжи и стали прямо-таки гнать палками их от своих родных контейнеров — ведь, как известно, на каждого бомжа в городе приходится свой участок мусора!

Шел второй час изнурительной работы в мусорном многообразии (причем, бомжи вскоре прониклись сочувствием и стали помогать бедолагам), как Вероника спросила у Леры, как давно она видела бухгалтера и отдала ли ему договоры. Лера постояла, подумала... отошла от вожделенных контейнеров и побрела по дороге к дому.

— Эй, подруга, ты что, передумала искать паспорт? — закричали ей вслед уже ставшие родными бомжи.

Вероника догнала ее и резко остановила. Она все поняла.

— Вспомнила, бестолковая ты женщина?! — прошипела она.

Паспорт был отдан бухгалтеру два дня назад

— нужна была копия для каких-то документов.

* * *

На сайте психдиспансера все было неожиданно. Дело в том, что на улице был уже май, и близился День победы. Да, Лера тоже плакала, когда смотрела «А зори здесь тихие» или еще что-нибудь душещипательное. Она не любила трагических концов, не могла смотреть на бездомных кошек и собак, жалела хромящих голубей, поющих в подземных переходах парней с гитарами и даже бомжей, особенно когда у них печальные лица.

Но сайт психиатрической больницы привел Леру в ступор. Он был оформлен весьма оригинально: вокруг жутко-пестрого и безвкусно оформленного тела самого сайта была сделана как бы рамочка из фотографий ветеранов и редких кустика гвоздик.

Информационная часть рассказывала, как обратиться в диспансер при возникновении проблем.

Ветераны, отдающие честь, ветераны в гвоздичных букетах, ветераны в орденах — всем им честь и слава. Но! Выходит, что сайт просто кричит: «Дорогие ветераны! Приходите к нам, мы вас с удовольствием примем и вылечим вашу

больную психику!» Ну, где мозг у людей?! Забыла... какой мозг? Они же «психические»!

Казус

Что касается мозгов, то с ними и у других случались истории, например, недавно у Анечки. У нее дома жили кот Тимофей и овчарка Адель, которая редко ела что-то, кроме свиного легкого, и это легкое хозяйка выискивала во всех магазинах. А еще у одной коллеги Морозовой тоже жили-были кот и собака, которая очень любила говяжьи мозги, которые и эта хозяйка постоянно искала в продаже.

Надо сказать, что Анечка не так давно переехала в новую с трудом построенную квартиру, но если очень уставала, то садилась на метро и ехала в ту сторону, где жила раньше.

Однажды она села не на тот поезд, уснула и доехала как раз в противоположный конец города. Когда объявили ее бывшую станцию, она проснулась и поняла, что приехала не туда, но решила воспользоваться случаем и сходить в знакомый магазин, где обычно бывает легкое.

Там и правда было легкое, и даже говяжьи мозги! Незамедлительно Анечка позвонила Морозовой.

— Милочка, здесь есть мозги, тебе взять? — спросила она. На том конце ответили утвердительно. Она набрала побольше субпродуктов и с чувством выполненного долга

поехала в свой конец города.

Назавтра в институте все готовились к важному совещанию, которое имело место начаться через двадцать минут. Готовились все, и тут запиликал телефон, из соседнего кабинета звонила Морозова.

— Ну что, привезла? — спросила она.

— Да, конечно, — сказала Анечка. Но тут она представила, как идет в зал совещаний с тяжеленным пакетом. — Милочка, можно я на совещание твои мозги брать не буду? Спасибо!

В кабинете наступила полная недоуменная тишина, за тремя столами работники института тихо складывали свои бумаги в папки, причем казалось, что их движения происходят в замедленной съемке немого кино. Стоит ли говорить, что коллеги на Анечку потом долго косились, и только чуть позже стали спрашивать, как она себя чувствует.

Психдиспансер

Лера и Вероника шли в заведение для больных мимо высокого забора и наблюдали, как на территории диспансера между елей прыгает белка, как прогуливаются люди в спортивных костюмах, и медсестра на коляске вывозит гулять немолодую, но еще довольно симпатичную

женщину. Вот они двинулись по дорожке вглубь лесного массива, а Лера с Вероникой стали искать, где бы войти. Калитка была закрыта, и они нажали кнопку звонка, при этом никакого звука не последовало — может, где-то внутри и звенело, но снаружи была полная тишина.

Вышла женщина в халате, представилась Таисией и сказала, что да, она знает Лерину «тетушку», к которой они приехали. Подруги сняли курточки, накинули халаты поверх свитеров и, постоянно оглядываясь, медленно пошли за ней.

— Лерка, ну что, может, останемся? — подмигнула Вероника. — Кормят, работать не надо.

— А что, мне очень даже нравится! Тишина, лес, белочки, — вздохнула Лера. — Но! Только после победы.

Как долго они звонили в этот психдиспансер, как объясняли, для чего им нужна больная по имени Анна Серова, сколько сказок пришлось рассказать по телефону регистраторше, прежде чем им разрешили приехать! Об этом знает один Бог (он ведь один?).

Всю дорогу они старались не забыть, какая неприятность их сюда привела — потеря тети, не шутка ли!

— Таисия, скажите, а как тетя себя чувствует? Она вспоминает о ком-нибудь из родных?

— Да в последнее время совсем редко. Про

мужа Василия может вспомнить, и еще про какого-то Петеньку.

У Леры похолодело внутри: Петром звали ее отца, погибшего в тридцати метрах от берега, причем, неизвестно по какой причине отправившегося ко дну! Прекрасного, доброго, шутливого человека, ее отца — звали Петром. Он был сильным и ловким, высоким, плечистым и крепким, а каждый его кулак был размером с добрый патиссон, растущий у матери на огороде. И, тем не менее, он утонул.

Подруги молча шли по дорожке, и каждая знала, о чем думает другая. Они думали об одном и том же — о воспоминаниях Анны Серовой.

Медсестра Таисия привела их к той самой симпатичной женщине, которая сидела в инвалидной коляске, а рядом стояла молоденькая девушка в белом халате — как пить дать студентка на практике. Или как там называют — молодой интерн.

Встреча «родственников» была на редкость трогательной. Безутешная «племянница» тихонько подошла к колесам, похожим на велосипедные, присела на корточки перед коляской и сказала:

— Тетя Аня, это я, твоя Лера.

В это время смышленная Вероника всеми силами старалась отвлечь медперсонал.

— Таисия, пожалуйста, оставьте их наедине,

может, тетя что-нибудь и вспомнит. Я очень вас прошу!

— Ну, хорошо, только недолго, Анне скоро обедать.

— Огромное вам спасибо! — и Верка сунула медсестре огромную шоколадку, которая еле влезла в ее карман, но та живо сделала все возможное, чтобы не выдать присутствие в кармане «мзды» и, повернувшись, пошла по живописной дорожке.

Разговор проходил примерно в таком русле.

— Аня, пожалуйста, припомните, где ваш муж Василий?

— Мой муж? Ах, мой муж!.. — вздохнула Шмелева-Серова. — Его нет давно, он поплыл по морю в дальние края.

— Про какого Петра вы вспоминаете?

— Петенька был другом Васеньки. Вы знаете, они очень дружили, пока не поссорились.

— Как они поссорились? Из-за чего? Вспомните, пожалуйста.

И вот тут в мутном взгляде произошло некое просветление, Анна посмотрела на Леру вполне осознанно и трезво.

— Васенька связался с человеком из дирекции санатория, он не смог защититься и защитить Петеньку. А ты... ты часом не дочь Петеньки? Ты похожа на него!

Леру как холодной водой окатили, так

замерло у нее все внутри, ни пошевелиться, ни сказать. Мать бы сказала «мову отняло». Но все-таки она пересилила себя, набрала побольше воздуха в легкие и смогла выговорить:

— Я... ннет, что вы!

— Жаль его и детей его жаль, а вот Васенька был очень виноват перед Петенькой, очень! Но он не мог ничего поделать, его заставили, понимаешь?

— В чем виноват?

— Его заставили подписать, заставили!

— Что подписать? Где ваш муж Васенька?

— Он поплыл в кораблике, поплыыыыл... — и взгляд ее снова помутнел.

Больше ничего от нее они не узнали. А Шмелева-Серова стала бормотать уже бессвязные фразы, перемешанные то с «Васенькой», то с «Петенькой».

«Племянница» и ее подруга все же решили еще раз поговорить с медперсоналом. Конечно, Таисия догадывалась, что эти родные — совсем не родные тетушке Ане, но вид их был такой многообещающий, а взгляды такими льстивыми, что она просто ждала, понимая, что в этом случае торопить события ну никак нельзя. И была права.

Подошедшие «родственники» отвели ее в сторонку и стали благодарить за заботу.

— Таисия, скажите, пожалуйста, к тете кто-нибудь приходит?